

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

© 1996 г., ЭО, № 4

ИНТЕРВЬЮ С ЛИДЕРОМ РОССИЙСКОГО ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ (РХДД) В. В. АКСЮЧИЦЕМ *

В. Филиппов. Виктор Владимирович! Как вы представляете себе будущее российской государственности?

В. Аксючиц. Процессы, происходившие в последние десятилетия XX в., привели к искусственному и насильственному расчленению русского народа, народа-государствообразователя. Для меня очевидно, что поскольку этот народ жив (а все объективные показатели говорят за то, что он жив), он рано или поздно восстановит свое государственное тело. Весь вопрос в том, когда и в каких формах это произойдет. Я считаю, что если процесс расчленения продлится и дальше и достигнет, скажем, уровня губерний, то восстановить единство России сможет только жесткий фашистский режим. Напротив, чем меньше будет разрушено, тем менее жесткий режим потребуется, чтобы возродить былое величие страны. Поэтому свою задачу, как политика, я вижу в том, чтобы остановить процесс распада как можно быстрее.

Русские однажды уже создали великое многонациональное государство, при этом ни один народ не был уничтожен, поработен или насильственно перекрещен.

Я думаю, что естественный процесс восстановления искусственно расчлененного государственного тела русского народа будет происходить путем объединения территорий, где большинство населения — русские. При этом русские в моем понимании — это великороссы, малороссы и белорусы. Несмотря на то, что сам я белорус, я считаю, что никогда не было ни белорусского государства, ни белорусской нации — это часть единого русского народа. Таким образом, территории Российской Федерации, Белоруссии, Украины (за исключением трех западных областей, которые уже во всех отношениях — и культурно, и экономически, и конфессионально — ориентированы на западную Европу, а не на Россию), плюс Южная Сибирь (или то, что сейчас называют Северным Казахстаном) либо Казахстан в целом «приговорены» к государственному воссоединению.

Что касается государственного устройства будущей возрожденной России, то я, как убежденный демократ (понимая демократию как народоправство), полагаю, что наиболее удобная форма правления в России — это монархия, которая может быть учреждена только при действительно свободном волеизъявлении народа, во всяком случае, большинства нации.

Мало кто задумывается о том, что первый Романов — Михаил — был действительно всенародно избран.

* Интервью с политическими лидерами проведены В. Р. Филипповым — сотрудником кафедры этнологии МГУ и Е. И. Филипповой — сотрудницей Института этнологии и антропологии РАН.

В. Ф. Вы думаете, россияне в массе своей когда-нибудь склонятся к монархической форме правления?

В. А. Рано или поздно это произойдет. В настоящее время идет очень болезненный процесс восстановления исторической памяти, пробуждения национального самосознания русского народа, других народов России, хотя процессы эти идут глубинно. По мере восстановления мы будем приближаться к этой форме государственного устройства, собирая территории и конституируя тот самый принцип, который прежде существовал в России: сильная центральная власть при обширном местном самоуправлении. Мне бы хотелось, чтобы этот процесс прошел через свободный референдум русских территорий.

В. Ф. Только русских?

В. А. Тех четырех республик, которые я назвал. Конечно, где-то это удастся сразу, где-то к этому придет несколько позднее. Где-то могут возникнуть и другие варианты, в том числе, не исключено, и силовые. Я убежден, что по мере углубления процесса так называемой реинтеграции, а на самом деле — воссоздания единства России, в него будут вовлечены и другие регионы, где русские не составляют большинства. Я, впрочем, сторонник того, чтобы эти регионы в состав Российского государства не включать, а установить с ними конфедеративные отношения. При этом совершенно естественно, на мой взгляд, исходить из того, что вся территория бывшего Советского Союза остается зоной жизненных интересов России.

В. Ф. Если я вас правильно понял, вы призываете к консолидации территорий с преобладающим славянским населением и сепарации территорий, населенных по преимуществу неславянскими народами?

В. А. «Славяне» — применительно к населению России — весьма условный, искусственный термин. Это Югославия или, скажем, Польша для нас — «славяне», а здесь нет славян — здесь русские.

В. Ф. Но существует национальное самосознание украинцев, белорусов... Это факт, от которого никуда не денешься...

В. А. Я повторяю, что термин «славяне» — это искусственный термин. Русские — единый народ! Украинский и белорусский национализм — это плод горячего воображения кучки интеллектуалов. Другое дело, что эта национал-утопия навязывается массивированной пропагандой. Средства массовой информации, как и власть, в руках тех сил, которые заинтересованы в воплощении националистического бреда. Попытки его реализации уже расплзаются кровавыми язвами по телу России. Но не вечно народ будет в плену у идеологических бесов.

В. Ф. А какова, по-вашему, должна быть политика Москвы по отношению к бывшим российским автономиям?

В. А. Что касается Северного Кавказа, то, как вы помните, там большинство русских территорий, за исключением отдельных, небольших ареалов. Эти русские территории были и останутся в составе России. Другое дело, что нынешний правящий режим продемонстрировал полную неспособность разумно решить эту проблему. Если в декабре прошлого года у него было для этого много разных путей, то сегодня практически ни одного не существует, все исчерпано. Когда же в России будет, наконец, национально ориентированная власть, тогда откроются и возможности совершенно иные.

В частности, с Чечней почему бы не избрать тот вариант, который предлагал председатель парламентской комиссии С. С. Говорухин: отпустить на свободу,

чтобы попробовали. Естественно, со всеми последствиями: отключить энергоносители, установить «жесткие» границы, выслать всех иностранцев чеченского происхождения из России, переселить из Чечни русских и прекратить дотирование республики. Но это лишь один из вариантов... Добавлю от себя, на какой-то четко оговоренный период — 5—7 лет. С тем, чтобы российская власть обязана была вернуться к этому вопросу в совершенно новых условиях, которые, я уверен, всех вынудят к борьбе за государственное единство.

Важна цель, важна стратегическая программа, скажем, как когда-то в ФРГ: несмотря на то, что ГДР приняли даже в ООН, ФРГ не признавала эту страну, но ее жители не шли штурмовать берлинскую стену! Они просто сформулировали долгосрочную программу воссоединения немецкого народа, постепенно шли к этому и пришли. Вот это пример для нас.

В. Ф. Как вы относитесь к концепции, согласно которой так называемые «титulyные» нации должны получить привилегии в ходе приватизации собственности в «своих» республиках?

В. А. Что касается «титulyных» наций, то это тоже искусственный термин, и совершенно ясно, какими силами он используется и с какой целью: как механизм развала Российской Федерации. Говорить о каких-то привилегиях этим нациям — это абсурд. И потом, если покопаться в истории, кто создал все эти «национальные государства»? Ленин. А какова легитимность его режима?

Ослаблению российской государственности способствуют и дотации «национальным» республикам из федерального бюджета, их искусственная подпитка за счет русских областей, и процесс «коренизации» государственного аппарата в «суверенных» республиках.

В. Ф. Какими должны быть приоритеты в культурной политике: следует ли отдавать предпочтение традиционной, фольклорной или, напротив, «высокой» профессиональной культуре?

В. А. Это несколько «романтический» вопрос. Мало кого он интересует сейчас в сферах большой политики.

В. Ф. Ваше мнение по поводу языкового аспекта национальной политики: русский язык — язык межнационального общения или государственный язык?

В. А. Совершенно ясно, что русский язык — это язык государственный, и он будет оставаться таковым. Это язык великой культуры, и он займет свое место, когда Россия «восстанет из пепла». Он станет языком мирового межнационального общения, наряду с английским, французским, немецким.

В. Ф. А что вы думаете по поводу придания статуса государственных языкам «титulyных» наций на территории национально-государственных субъектов Российской Федерации?

В. А. Сейчас эти меры подрывают целостность государства. Если государственное единство России восстановится, а оно восстановится обязательно, то почему бы и нет? В качестве элементов культурной автономии, не государственной, а именно культурной, религиозной автономии. В тех губерниях, на тех территориях, на которых проживает моноязычное население, почему второй язык недопустим?

В. Ф. В качестве государственного?

В. А. Нет, государственный язык один, но допускается второй язык, не как государственный, а как официальный, скажем так. Это язык данной территории,

он де-факто государственный, а де-юре, конечно же, нет. И это необходимо осознавать.

В. Ф. Ваше мнение по поводу процесса «огосударствления» православия в России и, соответственно, ислама на территории ряда «национальных» республик?

В. А. Никакого государственного православия в России нет, это очередной миф, созданный так называемыми демократами. В моей новой книге «Идеократия в России» все это подробно описано, а в двух словах можно сказать, что этот режим остается режимом государственного атеизма с 1917 г. и до настоящего времени. Он только меняет формы борьбы с русской православной цивилизацией и, соответственно, с русской православной церковью. Сначала была задача полного уничтожения — это не удалось, затем — задача расчленения — это не совсем удалось. Следующая задача, ставшая актуальной в брежневские годы и позже — поставить церковь под полный контроль, тоже не совсем удалась. Сейчас тактика опять несколько изменилась: государство всей своей мощью поддерживает политику вытеснения исконной православной религии путем создания льготных условий для экспансии инославных конфессий и даже антирелигиозных, античеловеческих сект. Это государственная политика, и я, как депутат бывшего Верховного Совета и один из авторов ныне действующего закона «О свободе вероисповеданий», прекрасно все это знаю.

Наше движение и его сторонники добились создания в бывшем Верховном Совете Комитета по свободе совести; мой заместитель по РХДД священник Вячеслав Полосин стал его председателем, я — председателем подкомитета. Мы написали закон «О свободе вероисповедания в Российской Федерации» и добились в 1990 г. его принятия. Затем, уже к 1993 г., после развала Союза, когда рухнули многие правовые щиты, потребовалось регламентировать отношения с зарубежными религиозными конфессиями. Мы подготовили закон, соответствующий цивилизованным демократическим нормам. Вы же не можете поехать в те же Штаты по туристической визе или по бизнес-визе и делать то, что делают здесь западные проповедники, получая доступ к государственному телевидению, стадионам, как, например, тот же АУМ-Синрике. Но Ельцин наложил тогда вето, аргументируя это тем, что наш закон нарушает права и свободы иностранных граждан, что недопустимо на территории Российской Федерации.

В Москве Лужков для собственной рекламы строит храмы, а в это время, скажем, в Калининградской обл. православной общине храмов не отдают, а протестантские общины регистрируются во множестве. Отделы народного образования (!) всей России посылают своих сотрудников на стажировку к Муну в Америку. Баптистские секты заполонили всю Сибирь, весь Урал, чего вообще никогда не было. Русская православная церковь обескровлена, уничтожена этим режимом государственного атеизма и не может ниоткуда получить никакой материальной помощи, потому, что ее руководящий центр здесь, а центры всех других конфессий, естественно, там. И оттуда идет огромная помощь, как я только что наблюдал в Тамбове, например. Баптистская евангелическая секта процветает. Почему? Потому, что к ним идет огромная гуманитарная помощь, бедные люди приходят эту помощь получать и обязаны прослушать слово проповедника, исподволь приобщаясь к чужой традиции. В данном случае налицо приоритет толстого кошелька, а не слова Божьего, не проповеди. Поэтому все разговоры о государственном православии — это просто демагогия.

Лично я являюсь сторонником независимости церкви от государства и впредь, уже в возрожденной России. Это значит, что церковь должна влиять на жизнь только своим религиозно-нравственным авторитетом, но никак не иметь каких-то государственных рычагов влияния. В то же время она должна быть независима от государственного влияния, однако это не исключает системы конкордатов, авторами которой мы тоже являемся и которую пытались проводить в том законе,

который был отменен Ельциным. Вводится система договоров государства с традиционными конфессиями. В России это прежде всего православие и ислам, кроме того, региональные: иудаизм, буддизм и др. Государство берет на себя определенные обязательства в отношении конфессий, и последние, в свою очередь, также берут какие-то обязательства в отношении государства. Скажем, введение института священников в армии и т. д.

В. Ф. В Уголовном кодексе РФ имеется ст. 74, карающая за насаждение межнациональной розни. Как вы думаете, нужно ли сохранять подобную правовую норму в уголовном законодательстве или же это дело нравственных, этических норм, а не уголовных?

В. А. Я не готов вполне ответить на этот вопрос, но в первом приближении мне кажется, что данный вопрос очень болезненный и что чисто «нравственными скрепами» это все никак не отрегулируешь. Межнациональная рознь будет до тех пор, пока больны государство и нация. Конечно, государство должно вмешиваться, оно должно за это карать.

Е. Филиппова. Как быть с проблемой русских вне России, тех, кто оказался сегодня в положении национального меньшинства в новых независимых государствах?

В. А. Нужна, безусловно, программа переселения. И переселение, и одновременно защита их интересов, что является святой обязанностью Российского государства. У нас же есть действенные рычаги. Вся государственная мощь, вся дипломатия, а если понадобится, то и военная сила должны быть направлены на защиту русских...

Е. Ф. А как быть с татарами или, скажем, чувашами?

В. А. Здесь вопрос чисто терминологический. Все народы, населяющие Россию, составляют российскую (русскую) нацию. Соответственно все они пользуются защитой и покровительством государства.

В. Ф. Помимо тех вопросов, которые мы обсудили, какие проблемы национальной политики вы считаете самыми актуальными? Что вы могли бы предложить в качестве панацеи от межнациональной розни?

В. А. Никакой панацеи нет и быть не может, но существуют какие-то доминанты, на которых держится все остальное. Это, прежде всего восстановление исторической памяти, национального самосознания русского народа как стимула к воссоединению и обретению своего государственного единства. Именно это создает поле для решения всех остальных проблем. Вместе с тем необходимое условие — приход к власти национально ориентированных сил. Потому что сегодня все, что происходит, например, в Чечне — это не решение проблемы государственного единства России, не решение проблемы Северного Кавказа. Это решение проблем совершенно другого измерения: выяснение взаимоотношений московских криминальных, коррумпированных, элитных властвующих групп по поводу того, кто будет контролировать торговлю наркотиками, вооружением, нефтью и всем остальным. Вот что происходит. Поэтому сейчас ставить вопрос о том, что делать в Чечне — это абстракция. То же самое и по поводу Татарстана... Вопрос должен ставиться только так: будут ли у власти национально ориентированные или антинациональные силы?

В. Ф. Спасибо.

Декабрь 1995 г.